

П. Г. Васенко

БОЯРЕ РОМАНОВЫ

И ВОЦАРЕНИЕ
МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

Платон Васенко

**Бояре Романовы и воцарение
Михаила Феодоровича**

Издательство «Кучково поле»

1913

Васенко П. Г.

Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича /
П. Г. Васенко — Издательство «Кучково поле», 1913

ISBN 978-5-9950-0317-5

Книга известного русского историка Платона Григорьевича Васенко, выпущенная Комитетом по устройству празднования 300-летия Дома Романовых в 1913 г., переиздается впервые. Это, пожалуй, первое научное исследование по генеалогии Романовых, имеющее известное значение до настоящего времени; главное достоинство книги – строгий научный взгляд. Автор начинает книгу с рассмотрения происхождения родоначальника династии – Андрея Кобылы, "ближнего боярина" великого князя Симеона Гордого и родоначальника боярских родов Шереметевых и Колычевых. Завершается книга окончанием Смутного времени и первыми предприятиями правительства Михаила Федоровича Романова. В книге использованы иллюстрации первого издания. Издание предназначено для специалистов по исследованию генеалогии, историков, преподавателей, аспирантов, и всех, интересующихся русской историей.

ISBN 978-5-9950-0317-5

© Васенко П. Г., 1913

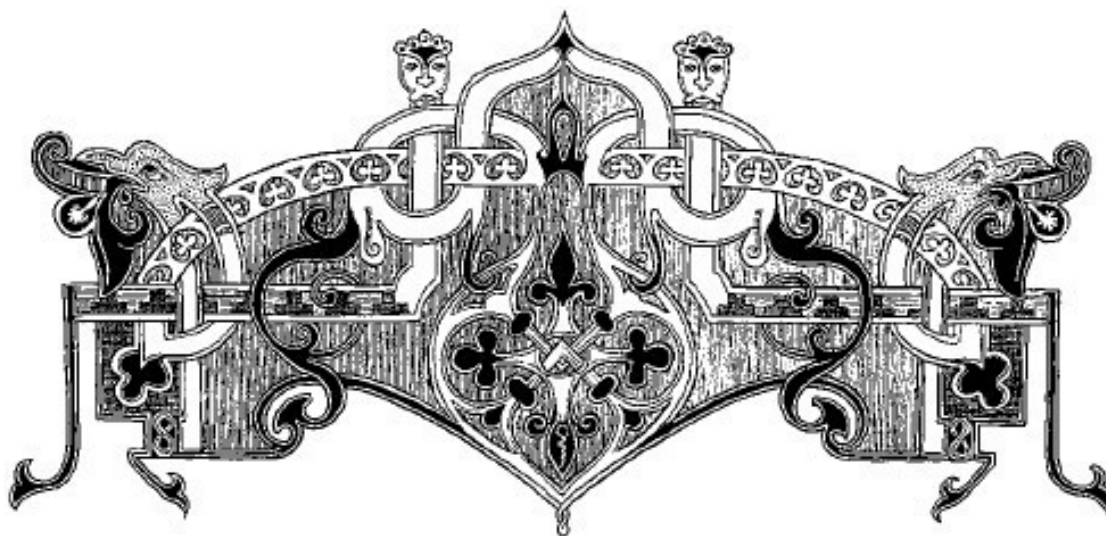
© Издательство «Кучково поле», 1913

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Платон Григорьевич Васенко Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича

Глава первая Предки царицы Анастасии – верные слуги и помощники московских князей, собирателей Руси

I

«В лето 6855 князь великий Семен Иванович, внук Данилов, женился в третьи; взял за себя княжну Марью, дочь великаго князя Александра Михайловича Тверскаго; а ездил по нее во Тверь *Андрей Кобыла* да Алексей Босоволков»¹.

Этим известием, отнесенным летописью к 1347 году², исчерпываются все наши достоверные сведения о родоначальнике знаменитого боярского рода, одному из представителей которого волей судеб предназначено было «восприять» в 1613 году «государства Московского царствия», создавшегося благодаря усилиям князей-собирателей и их верных слуг и помощников, исконных московских бояр, причем предки царя Михаила по праву занимали среди этих бояр одно из виднейших мест. Однако знатность многочисленного потомства Андрея Кобылы издавна заставляла строить разные домыслы относительно его происхождения. Эти предположения, вследствие недостаточного знакомства с источниками и отсутствия выработанных приемов для их изучения и критики, казались авторам XVIII и начала XIX века неопровержимой истиной и позволяли им с уверенностью повествовать о «высоком» происхождении от владетельных чужестранных князей московского боярина, жившего в X^в столетии.

Особенно характерен в этом отношении труд барона Кампенгаузена, чиновника русской службы, написавшего в начале XIX века целое исследование под заглавием «Genealogisch-Chronologische Geschichte des Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses»³.

Во введении мы находим уже некоторое резюме всего исследования. Начало этого введения гласит следующее: «Предки рода *Романовых*⁴ уже в XIII веке поселились в России и с тех пор отличались в ней своей служебной деятельностью как в военное, так и в мирное время, занимая военные и гражданские важнейшие должности и духовные высшие звания. Род этот, достигший в *рюрико-романовской* линии русского царского престола еще в XVI веке и занимавший его в *романово-рюриковской* династии в мужском и женском поколениях с 1613 года, то есть в течение 192 лет, происходит ближайшим образом от *Юрьевых*, составлявших ветвь *Захарьиных*. *Захарьины*, в свою очередь, прямые потомки *Кошкиных*, а *Кошкины* происходят от *Кобылиных* или *Камбилиных*. От тех же *Кобылиных* произошли весьма многие русские фамилии, частью уже угасшие, частью доселе существующие. Род *Камбилиных*, однако, не коренной русский, а *пруско-литовско-самогитский*, происходящий от древних царей, князей, или державцев, прежних обитателей показанных выше стран»⁵. Далее следует изложение содержания всего труда, а затем первую часть своих изысканий Кампенгаузен открывает такими утверждениями: «Первый водворившийся в России родоначальник прародительского рода *Романовых* был прусско-самогитский князь или державец, по имени *Гланда* (или *Гланда*) *Камбила Дивонович*, происходивший от древнейших языческих прусско-литовско-самогитских царей, князей или державцев. Изгнанный из своих наследственных владений в *Самогитии* и *Судавии* немецким рыцарским орденом, порабоцавшим прусские земли, он в последней четверти XIII века бежал вместе со своим малолетним сыном в Россию. Здесь в 1287 году он был крещен с именем Ивана, как все это будет подробнее изложено в последующей специальной генеалогической истории. Вышеупомянутый его сын, названный в России *Андреем Ивановичем Камбиллой* (а искаженно *Кобыла* или *Кобыла*), оставил после себя многочисленное потомство, которое по прозвищам его и его отца получило название рода *Кобылиных* или *Кобылиных*»⁶.

Если от этих утверждений обратиться к доказательствам их, помещенным во второй части труда⁷ Кампенгаузена, то мы увидим странное, на первый взгляд, но иногда встречаемое у исследователей, сочетание критического чутья со способностью строить малообоснованные догадки и считать их неопровержимыми. Кампенгаузен очень метко критикует заблуждения своих предшественников, с которыми нам предстоит еще познакомиться, баснословящих о королях Прутено, Войдеводе и т. д., но свои утверждения о Гландале Камбиле и его сыне основывает на доверии к изысканиям критикуемых им лиц. Он говорит: «Обнаруженное новейшими исследованиями по сим вопросам сходство показаний, которые мы находим как во многих достоверных летописях, так и в разных исторических и семейных материалах и актах, позволяет с уверенностью установить, что Гланда (или Гланда) Камбила Дивонович был не только пращуром, или основателем прародительского рода Романовых, но что он был и выходцем из Самогитии и соседней с нею Зюд-ауер-ляндии; был в этих странах державцем»⁸. Вслед затем Кампенгаузен распространяется на тему о том, что преданию «нельзя не придавать веры, особенно в области генеалогических данных»⁹, и исключительно на предании, не подтверждая, а скорее опровергая изысканиями автора, приходит к вышеприведенным утверждениям¹⁰. При этом ему не приходит в голову проверить показания «достовернейших летописей» и подлинность разных исторических и семейных материалов и актов, а без такой проверки нельзя делать и никаких прочно обоснованных заключений. Благодаря таким свойствам изысканий Кампенгаузена мы не можем опереться на их результаты относительно происхождения Андрея Кобылы.

Минуя затем несколько трудов XVIII века, авторы которых более или менее бездоказательно рассказывают о предках родоначальника Романовых¹¹, познакомимся с любопытным произведением герольдмейстера петровских времен Степана Андреевича Колычева, который составил в 1722 году записку под заглавием «Историография, вкратце собранная из разных

хроник и летописцев»¹². В этой записке Колычев повествует о прусском короле Прутено, который в 373 году по Р. Х., «для старости своей, отдал в вечное обладательство свое королевство брату своему Вейдевуту»¹³. Один из потомков сына Вейдевута, Недрона – Гландос Камбила в 1280 году принял у себя на родине крещение по католическому обряду, а «в 1283 году помянутый Гландос Камбила, Дивонов сын, из дому Недрона Ведевутовича поколение свое линейно производящий, сам прииде к Московскому великому князю Даниле Александровичу всеа России самодержцу, и тот его крестил в закон греческого исповедания, понеже он прежде окрещен был в римскую, а из римской в греческую, что и ныне все творят латынники. . . А что того славного Камбилу, или Гланда Камбилиона, стали нарицать Кобыла, и то мню, учинено с недозрения особы его. В том веку нареци иноземческих прозваний многие не умели и с истинною того прозвания знатно распознавать не умели или не хотели; а наипаче древние писари русские, недовольные в грамматических учениях, вельми иноземные прозвания и имена отменяли, недописуя верно, или с прибавкою от незнания писали. Мню посему, что вместо Камбилы, или Камбилиона, написано просто Кабыла от древних писцов, с убавлением литеры»¹⁴.

Этот рассказ, да и вообще все исследование Колычева, основанное на показаниях писателей, поздних и склонных к смелым догадкам, изобилует явным баснословием¹⁵. Поэтому и сведения о Камбилионе, в нем сообщаемые, не внушают доверия. Правда, случаи искажения иностранных названий и русификация их общеизвестны. Вспомним хотя бы «Стекольный» вместо Стокгольм. Но не менее известны и обратные примеры творчества книжниками разных мифических лиц для объяснения географических названий и т. д. Так, в хронографе редакции 1512 года сообщается о том, как некий царь «Виз» «сотвори Византию. и роди. дочь и нарече Византия»¹⁶. Но книжники не удовольствовались созданием «Виза». Они стали рассказывать, что «Виз... роди... дочь, нарече имя ей Антия; и созда град. и нарече имя граду тому во имя дочери своей и в свое, Византия»¹⁷. Мы встретимся еще с подобной книжной легендой, когда будем говорить о пресловутом Прусе, брате римского кесаря Августа. Поэтому ограничимся здесь указанием, что слово «кобыла» можно с не меньшим правом счесть прозвищем, на какие так падок и до сих пор русский народ. Прозвища многих членов рода Андрея Кобылы и целый ряд русских фамилий дают нам яркие примеры этой склонности, встречаемой и у других национальностей¹⁸. На основании приведенных соображений позволительно усомниться в существовании Гланды Камбилиона, Дивонова сына¹⁹.

Может, впрочем, показаться, что нами не принято во внимание следующее обстоятельство: Колычев принадлежал к потомству Андрея Кобылы и мог руководствоваться семейными преданиями. Однако обратившись к показаниям другого представителя этого же рода, и притом жившего в более раннее время, мы не находим уже имени Гланды Камбилиона. Мы разумеем здесь начало поколенной росписи Шереметевых, составленной боярином Петром Васильевичем Большим Шереметевым и за собственноручной подписью представленной им 23 мая 1686 года в Разряд. Вот это начало: «Род прусского княжения владетеля Андрея Ивановича, а прозвание ему было Кобыла. Приехал из Прусс от своих пределов владетель Андрей Иванович, а у него был сын Федор Андреевич»²⁰. Эту роспись Шереметев подал в Разряд для официального пополнения и исправления старой родословной книги. Плодом этого пополнения явилась знаменитая Бархатная книга²¹. В интересах Шереметева было сообщить о своих предках как можно более полные сведения, причем скорее можно было бы ожидать упоминания о каком-нибудь мифическом родоначальнике, чем пропуск имени действительного пращура²². Отсюда ясно, что названный боярин не знал никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына²³. Зато и Шереметев сообщает о владетельном происхождении Кобылы и о выезде его из «Прусс». Когда возникли эти предания?

Идя в глубь времен, видим, что не только в середине XVII столетия, но и в конце XVI века были уверены в истинности второго факта. Так, в челобитной одного из потомков Шевляги, который по родословным был родным братом Андрея Кобылы, поданной в 1643 году на окольного князя Ф. Ф. Волконского, сказано: «...а наш, государь, холопей твоих род пошел от прародителя нашего от Федора Ивановича от Шевляги. Как он выехал ис Прус»²⁴. Подобно этому и в родословной конца XVI и начала XVII века отмечается: «Род Андрея Ивановича Кобылы, выехал из Прусския земли из немец»²⁵. В приведенных случаях не упоминается о властительном происхождении Андрея Кобылы. Однако предание об этом существовало уже в XVI веке. Это видно из слов Курбского об Иване IV: «Потом погубил род Колычевых, такоже мужей светлых и нарочитых в роде, единноплеменных сущих Шереметевым; бо прародитель их, муж светлый и знаменитый, от Немецкия земли выехал, ему же имя было Михаил, глаголют его быти с роду княжат Решских»²⁶.

Слова Курбского очень любопытны. Они, как отмечено выше, показывают, что уже в XVI веке предание о властительном происхождении Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако имя Михаил указывает или на более отдаленного предка рода Романовых, или на то, что предание о его высоком звании явилось поздно и искажает факты. Кроме того, Курбский говорит, что Михаил был «с роду княжат Решских». По справедливому объяснению Устрялова

Решский значит имперский²⁷. А так как Пруссия в XIII веке не входила в состав имперских земель, то и все предание надо относить к позднему времени. Во всяком случае, можно думать, что мысль о властительском происхождении Андрея Ивановича не была в ходу в XV веке. По крайней мере, местничаясь в 1500 году с князем Даниилом Щенятем, боярин Юрий Захарьевич Кошкин не ссылался на свое происхождение от владетельного князя, что ему было бы очень выгодно сделать²⁸. Да и о Пруссии, отечестве своих предков, он не вспомнил.

Считая, таким образом, предание о властительском и об иноземном происхождении боярина Андрея Кобылы возникшим поздно и внушающим большие и основательные сомнения²⁹, мы должны ответить на два вопроса: что было причиной возникновения подобного предания? и что дало повод вести род Андрея Ивановича из Пруссии?

Относительно первого вопроса ответ подсказывается хотя бы только что приведенным местническим случаем. Потомки удельных и великих князей, ставши слугами московских государей, «заезжали» прежних бояр, служивших дому Калиты. Они, несомненно, кололи им глаза своим знатным происхождением и всячески старались их отеснить на задний план. Трудно было держаться старым слугам московского князя, и вот надо было опереться на какое-нибудь предание, которое могло бы возвысить их в глазах аристократически настроенных новых сотоварищей и соперников и поставить нетитулованную знать на один уровень с титулованной. Воспоминания о давней близости фамилии к московским князьям, о постоянной знатности предков невольно наводили на мысль о гордых преданиях. Притом вести себя от туземных князей не было возможности, и пришлось прибегнуть к предположению о выезде предков из чужих земель³⁰; на это наталкивали действительные случаи выезда знатных чужестранцев в Москву в XV и XVI веках, не говоря уже о многих русских людях, являвшихся из других княжеств и земель служить великому князю московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовестно поверить в существование какого-нибудь «светлого и нарочитого» заезжего предка. В результате получилось любопытное явление: почти все не княжеские дворянские роды в России повели свое начало от заезжих выходцев³¹. При этом многие знатные фамилии вели себя из немцев, в частности «из Прус»³².

Такое предпочтение Пруссии имело свое основание. Познакомимся с ним. Для этого надо вспомнить, что последние десятилетия XV века были началом нашей политической самостоятельности и большого внешнего могущества. Московский великий князь, благодаря уси-

лиям своих предков и своим собственным усилиям и последовательным действиям освободил свою страну от некогда грозного татарского ига, соединил в своих руках обладание почти всей Северо-Восточной Русью и к народной радости и гордости с большим основанием мог назвать себя государем и самодержцем всея Руси. Впереди открывались еще более широкие перспективы: окончательное объединение Русской земли, покорение татарских ханств, стремление к берегам Балтийского моря, принятие царского титула. Но и к концу 1400-х годов русский великий князь поднялся на головокружительную высоту. Падение Византии делало его политическим главой и покровителем православия. Естественно, поэтому получила большую известность и распространение горделивая теория о Москве – Третьем и последнем Риме, выраженная в краткой формуле: «Два убо Рима падоша, а третий (Москва) стоит, а четвертому не быти».

Гордые притязания государей и народа на мировую роль Руси, имевшие исторически жизненное основание, хотелось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображениями. Брак московского великого князя и греческой царевны Софьи Палеолог давал, правда, первому известное право считать себя преемником византийских, или восточноримских императоров. Но хотелось большего, хотелось, независимо от греков, явиться законными наследниками их мирового значения. Тогда, как справедливо отметил покойный академик И. Н. Жданов³³, «оставалось перенести вопрос на почву генеалогических отношений и исторических связей, отыскать для перенесения империи в Москву какие-нибудь основания в былом. Нужно было предъявить права на наследство и представить при этом оправдательные документы». Тогда-то и возникла легенда о Прусе, брате «кесаря Августа», который «разряди вселенную братии своей». При этом «сему Прусу тогда поручено бысть властодержество в березех Вислы реки, град Мадборок и Торун и Хвойница и преславый Гданеск и ины многи грады по реку глаголемую Немон, впадшую в море, иже и доньне зовется Прусская земля. От сего Пруса семени бяше... Рюрик и братия его; и егда еще живяху за морем, и тогда варяги именовашуся и из замория имяху дань на чюди и на славенех и на кривичах»³⁴. Нетрудно понять, почему Пруссия была сочтена родиной Рюрика. Летопись говорила о племени русь, жившем на берегах Балтийского моря и имевшем князьями Рюрика с братией. Созвучие слова «Русь» (Россия) и Пруссия делало для людей XV и XVI веков, плохих филологов, не знавших, что подобная этимология невозможна, отождествление их вполне правильным и заманчивым. Представление о Древнем Риме как всемирной монархии позволяло считать Августа властителем и Пруссии, а распространенный тогда взгляд на государство как на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводил на мысль о разделе Римской империи кесарем Августом в пользу императорской родни. О том, что название страны дало имя и мифическому родоначальнику Пруссии – Прусу, можно было бы и не упоминать.

Легенда о Прусе, измышленная, по предположению Жданова, знаменитым писателем XV века Пахомием, выходцем из южно-славянских земель³⁵, а быть может, скажем мы, и другим досужим книжником, отвечала помыслам русских великих князей и горделивым чаяниям русского народа. Поэтому она пользовалась большим почетом в нашей древней письменности³⁶ и заслужила полное признание и доверие со стороны государей и их подданных. Царь Иван вполне ей доверял, верили и русские люди XVI–XVII веков³⁷. Как соблазнительно и заманчиво, как просто и естественно было вывести из Пруссии и себя стародавним слугам и помощникам московских великих князей! Как легко поверить тому, чему хочется верить!

На основании вышеприведенных соображений мы лично всецело готовы примкнуть к мысли Н. П. Петрова о туземном происхождении Андрея Ивановича Кобылы. Но не можем вполне согласиться с почтенным автором относительно его дальнейших выводов. Н. П. Петрову все дело представляется в таком виде: Андрей Иванович Кобыла был внуком знаменитого боярина XIII–XIV веков Иакинфа Великого и происходил из Новгорода, где была Прус-

ская улица, около которой удалось обнаружить существование в прежнее время Кобыльского проезда и Кобыльской улицы³⁸. Но родословные потомков Иакинфа, известных московских бояр Челяднинных и Бутурлиных, молчат о таком родстве, и мы ничем не можем проверить предположений Н. П. Петрова, высказанных им очень резко и утвердительно. Затем, не отрицая возможности новгородского происхождения предка династии Романовых, не можем не указать, что обозначение улицы, где жил в Новгороде этот предок, в качестве местности, откуда он появился в Москве, было бы чрезвычайно странным и необычным. Мы скорее допустили бы, что некоторое смутное семейное предание о Прусской улице как местожительстве Андрея Кобылы могло еще более натолкнуть его отдаленных потомков XVI века на мысль о Прусской земле как его прежнем отечестве. Во всяком случае, новгородское происхождение Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько-нибудь твердо нельзя. Это осталось до сих пор в области предположений.

Как на более или менее вероятные догадки мы смотрим и на результаты интересных изысканий Г. С. Ш., обнародованные им в статье «Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского»³⁹. Осторожный автор не высказывает прямо и положительно своих выводов, а делает ряд сопоставлений и намеков, предоставляя читателю самому прийти к известным заключениям. Если попытаться создать из этих намеков целую картину, то она нарисуеться в таких приблизительно очерканиях. В XIII веке в Новгороде жил знатный муж Иван (Ивон), которого Г. С. Ш., по-видимому, склонен считать выходцем из Пруссии. Князь Дмитрий Александрович и новгородцы отдали около 1265 года этому Ивану Торжок, Бежецк, Городец. У Ивана были дети: Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Афанасия Даниловича, брата Калиты. Князь этот жил в Новгороде и был там любим народом. Благодаря родственным связям с домом князя Даниила Московского Андрей Кобыла и ездил в 1347 году послом за великой княгиней Марией⁴⁰.

Такая картина, несмотря на всю ее заманчивость и остроумные сближения, сделанные ее автором, очень проблематична. Нельзя сказать, что она не соответствует действительности, но ничем нельзя доказать и обратного утверждения. Поэтому остается повторить, что об Андрее Кобыле мы имеем одно только достоверное известие, приведенное в начале настоящей главы. Из этого известия можно сделать только один совершенно прочный вывод: Андрей Кобыла был близким и знаменитым слугой-боярином великого князя Симеона Гордого. А так как близость и доверие приобретаются, и в особенности приобретались в те времена, годами долгой и верной службы, то возможно с большой уверенностью допустить предположение о том, что Андрей Иванович служил уже первому собирателю Русской земли. Во всяком случае, с династией Калиты род Андрея Кобылы был связан еще в стародавние времена, когда возвышение Москвы было делом будущего, а мысль о том, что «Бог переменит Орду», была смелой и отрадной мечтой.

II

Из родословцев известно, что «у Андрея Ивановича у Кобылы» было «5 сынов. 1-й Семен Жеребец; 2-й Александр Елка, 3-й Василий Вантей бездетен, 4-й Гаврило Гавша, 5-й Федор Кошка»⁴¹. Из этих сыновей отметим прежде всего Александра Елку – родоначальника знаменитого и многочисленного рода бояр Колычевых. Однако точных сведений о деятельности и жизни его и его братьев – Семена, Василия, Гаврилы у нас нет. Зато младший сын Андрея Ивановича, Федор Андреевич Кошка, был заметным человеком своего времени и выдающимся боярином своего государя, знаменитого Дмитрия Донского. Быть может, он был послухом при составлении Донским первой его духовной, написанной в 1371 году, оберегал Москву в 1380 году, во времена Мамаева нашествия на Русь, «вытягал» в пользу своего государя «Тов и

Медынь у смолян»⁴². Нельзя, впрочем, утверждать положительно участия Кошки ни в одном из названных событий: у Донского было два боярина Федора Андреевича: Свибл и Кошка. При способе наших древних источников обозначать людей в большинстве случаев только по имени и отчеству трудно бывает установить с точностью, кого именно они разумеют. Оба они подписались на второй духовной князя Дмитрия Ивановича⁴³. Во всяком случае, можно с уверенностью полагать, что вся жизнь боярина Кошки протекла на службе московским князьям, что он был в числе тех бояр, которые в малолетство Донского вместе со святым митрополитом Алексеем оберегли интересы своего князя и Русской земли, и с полным правом слушал знаменательные слова умирающего героя Куликовской битвы, обращенные им к собравшимся близким советникам и слугам: «Родихся перед вами и при вас возрадох и с вами царствовах. Землю Российскую держал... И мужествовах с вами на многи страны и противным страшен быв во бранех и поганяя низложих Божию помощь и враги покорих. Великое княжение свое вельми укрепих, мир и тишину земли Русьстей сотворих, отчину свою с вами соблюдох, еже ми предал Бог и родители мои. И вам честь и любовь даровах, под вами грады держал и великия власти, и чада ваша любих, и никому же зла не сотворих, ни силою что отях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни избечествовах, но всех любих и в чести держал. И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекошесь у меня бояре, но князи земли моей»⁴⁴.

До сих пор нам удалось отметить только один прочно установленный факт из жизни Федора Андреевича Кошки. Но мы имеем еще одно драгоценнейшее свидетельство об этом боярине, вернее, о его значении при московских государях. В 1409 году после известного нашествия на Русь Эдигея этот ордынский князь прислал грамоту великому князю Василию Дмитриевичу и в ней, между прочим, писал: «Добрые нравы и добрая дума и добрыя дела были к Орде от Федора от Кошки – добрый был человек, – которые добрые дела ординские, то и тебе воспоминал, и то ся минуло»⁴⁵. Эти слова ясно указывают, каким влиянием пользовался в Москве умный и осторожный боярин. О влиятельности Кошки можно заключить из того, что в 1393 году он ездил во главе посольства в Великий Новгород и для подкрепления мирного «докончания» с новгородцами и вернулся домой с полным успехом⁴⁶. С первостепенным московским боярином вступил в свойство даже сам великий князь тверской, женившийся одного из своих сыновей на дочери Федора Андреевича – Анне⁴⁷.

Из сыновей Кошки, умершего или постригшегося в монахи не позже 1405 года⁴⁸, известны особенно Иван, Федор Голтяй, Александр Беззубец. Внук последнего, Андрей Шеремет, стал родоначальником старинного и знаменитого рода бояр Шереметевых, процветающего до наших дней в двух ветвях: графской и нетитулованной. Еще более славная судьба выпала на долю бояр Романовых, прямых потомков боярина Ивана Федоровича. Подписавшись в 1406 году в числе семи бояр на духовной великого князя Василия Дмитриевича⁴⁹, он был казначеем и любимцем этого государя, о чем мы имеем упоминание в уже известном нам письме Эдигея. Рассерженный переменой политики московских князей относительно Орды, этот татарский князь вспоминал добрые, по его мнению, времена влияния Федора Кошки и жаловался: «...а ныне у тебя сын его Иван, казначей твой и любовник, старейшина, и ты ныне ис того слова, ис того думы не выступаеш. Ино того думою учинилась твоему улусу пакость. Крестьяне изгибли, и тыб опять тако не делал, а молодых не слушал»⁵⁰.

Наставления и жалобы Эдигея рисуют нам людей двух поколений и темпераментов и дают понять, как изменилось настроение в Москве к XV веку. Федор Кошка представляется нам дипломатичным политиком. Подобно первым князьям-собирателям, он умел таить свои личные чувства к татарам, притворяться расположенным к Орде, пожалуй, и заискивать перед ней. Иван Федорович испытал в юности впечатления от Куликовской битвы и подъема, с ней связанного. Смелый и отважный, он полагал, что для русских настала пора стряхнуть с себя

иго, и хотя ошибся в этом, однако не потерял расположения своего государя. По крайней мере, он подписался на двух духовных великого князя Василия Дмитриевича, писанных в 1423 и 1424 годах, причем оба раза занимал четвертое место среди бояр⁵¹.

О сыновьях Ивана Федоровича Кошкина известно очень мало. Подпись одного из них, боярина Федора Ивановича, мы находим на второй и третьей духовных великого князя Василия Дмитриевича⁵². О деятельности других не сохранилось даже и таких скудных указаний. Зато мы имеем любопытный летописный рассказ, связанный с именем наиболее интересующего нас сына Ивана Федоровича – боярина Захария Ивановича Кошкина, прадеда царицы Анастасии и царского шурина Никиты Романовича. «В лето 6940, – гласит это повествование, – во осени, князь великий обручал за себя княжну Марию, дочь Ярославлю, а внучку Марьи Голтыяевы... В лето 6941. Князь великий Василей Васильевич женился на Москве, по Крещении в мясоед великий, понял дочь князя Ярослава Володимировича именем Марию, и на той свадьбе Захарья Иванович Кошкин имался за пояс у князя у Василья у Юрьевича у Косого»⁵³. В другой летописи приведены и слова Захария Ивановича: «„тот пояс пропал у меня, коли крали казну мою»⁵⁴.

Если верить этому рассказу⁵⁵, то вскроются любопытные отношения того времени, указывающие на большую близость Захария Ивановича Кошкина к великому князю и вспыльчивость его. Он решился оскорбить двоюродного брата своего государя. Это может быть объяснено и тем, что сам Кошкин был двоюродным дядей невесты: ее мать Мария Федоровна Голтыяева, по мужу княгиня малоярославецкая и городецкая, была двоюродной сестрой названного боярина. Во всяком случае, великая княгиня Софья Витовтовна, мать великого князя Василия Васильевича, приказала снять пояс с Василия Косого – и междоусобная война между двоюродными братьями-князьями, незадолго перед тем прекратившаяся, вспыхнула с новой силой⁵⁶.

С именем Захария Ивановича связывают иногда и его участие в войне с Литвой, бывшей в 1445 году⁵⁷. Однако такое указание основано на недоразумении, выясненном покойным С. М. Соловьевым. Захарий Иванович Кошкин, воевавший, как это видно и из летописи, тогда против Москвы, принадлежал к числу смоленских бояр⁵⁸. Таким образом, судьба московского боярина Захария Ивановича нам остается неизвестной, хотя можно с уверенностью думать, что он, по свойству с великим князем и заслугам своих предков, был хорошо поставлен в служебном отношении при дворе московского государя, несмотря на появление в Москве нового боярского элемента, служебных князей, довольно быстро выродившихся в князей-бояр.

Время великого князя Василя Васильевича и его сына, знаменитого Ивана III, представляется любопытной эпохой в жизни Московского государства и высшего служилого класса на Руси. Тогда зародилось то политическое противоречие в русской действительности XVI века, которое было одной из важнейших причин Смуты начала XVII столетия.

Государь все более и более шел к демократическому полновластию, пользуясь в этом отношении сочувствием народных масс. А высшая администрация принимала все более и более аристократический характер. Прежние московские бояре, хотя и бывшие очень близкими к великому князю людьми и вольными слугами его, всегда помнили свое место, основывая свое положение на службе государю, на заслугах предков и не ставя себя на одинаковый уровень с властителем. Быстрое присоединение «уделов», среди которых были и великие княжения, к Москве заставляло прежних их государей поступать на службу к своему счастливому родственнику, на которого они готовы были смотреть как на равного себе. Великий князь московский «ласкал» своих новых слуг: ему невыгодно было с ними ссориться и лестно было себя ими окружить. Они благодаря своему высокому происхождению систематически оттесняли прежних слуг московского великого князя, занимая всюду первые места. Внося в высшую

администрацию свои удельные замашки, смотря на себя как на полноправных участников во власти, такие князья-бояре склонны были «высокоумничать», что вело к большим трениям между ними и московским государем и что, начавшись частными опалами при Иване III, кончилось грозной опричниной, созданной его внуком.

Уже на первых порах своего появления при московском великокняжеском дворе князья-бояре стали «заезжать» старых нетитулованных бояр⁵⁹. Немногие фамилии последних удерживали не без труда свое прежнее положение, и в числе этих немногих были

Кошкины-Кобылины⁶⁰. Эта борьба за влияние порождала взаимную нелюбовь между титулованной и нетитулованной знатю, и хотя все почти боярские семьи – и княжеские, и не княжеские – перероднились между собой, это не мешало их взаимной вражде. Она таилась, пока Кошкины были хотя и знатными, но рядовыми боярами, и обнаружилась тогда, когда потомки Федора Андреевича Кошки, Юрьевы-Захарьины⁶¹, стали царской родней. В такой атмосфере затаенной вражды пришлось действовать старшим сыновьям Захария Ивановича, известным воеводам времен Ивана III, – Якову и Юрию Захарьевичам.

III

Историку, исследующему Древнюю Русь, бывает трудно и часто даже невозможно охарактеризовать сколько-нибудь полно жизнь, деятельность и душевные свойства ее героев, не говоря уже о более скромных, хотя и выдающихся деятелях. И в особенности время возвышения Москвы с трудом поддается изучению этой биографической стороны прошлого нашей родины. Конец XV и XVI век тоже не обильны источниками, но все же дают более материала их исследователю. Поэтому и деятельность обоих братьев Захарьевичей нам возможно будет проследить если и не с достаточной, то все же с большей полнотой, чем это удалось сделать относительно их предков. Правда, о ранних годах жизни хотя бы Якова Захарьевича ничего не известно. Он становится заметным человеком лишь с 1480 года, в котором ему «сказано» было боярство⁶². Затем, почти до самой смерти Якова Захарьевича, мы встречаемся с ним как с исполнителем целого ряда ответственных служб и поручений великих князей Ивана III и Василия III.

Так, не позже 1485 года этот боярин был назначен на очень трудный пост новгородского наместника, откуда должен был во главе новгородской рати идти на занятие Тверского княжества, которое, впрочем, было присоединено к Москве без кровопролитного столкновения⁶³. Когда Яков Захарьевич вернулся в Новгород, ему предстояло выполнить там великую задачу: надлежало сколь возможно скоро слить недавно покорившуюся область с исконными московскими владениями. Для этого прежде всего было переселено из Новгорода несколько десятков богатейших людей⁶⁴. Новгородцы ответили в 1588 году заговором на жизнь наместника. Яков Захарьевич прибегнул к мерам строгим и суровым. Как говорит летопись, многих «думцов Яков пересек и перевешал». После этого, воспользовавшись благоприятным поводом, Иван III вывел из Новгорода более 7000 «житиих людей», а затем «тоя же зимы князь великы... переведя из Великого Новгорода многих бояр и знатных людей и гостей, всех голов больше 1000». Переселенцам были даны поместья в Москве и других старинных владениях Ивана III. Вместо же выведенных новгородцев в области Новгорода были поселены многие московские лучшие люди, гости и дети боярские как из столицы, так и из уездов⁶⁵. Подобная мера, очень важная для скорейшего подавления сепаратистских стремлений, неминуемо очень сильных в Новгороде, была выполнена в наместничество Якова Захарьевича, и притом, как видно из позднейшей истории новгородско-московских отношений, с несомненным успехом.

Не успело окончиться одно важное дело, порученное Якову Захарьевичу, как возникло другое, требовавшее от него не меньшей энергии и проницательности. В Новгороде проявилась и успела пустить корни опасная ересь жидовствующих. Раскрытая благодаря ревности архиепископа Геннадия, эта ересь подверглась осуждению осенью 1491 года на Московском церковном соборе. После этого Геннадия вместе с наместниками Яковом и Юрием Захарьевичами были поручены расследование виновных и наказание их. Вследствие принятых мер ересь закончила свое существование⁶⁶. После этого Яков Захарьевич еще несколько лет наместничал в Новгороде и в исходе 1495 года водил новгородские войска в поход против Швеции⁶⁷.

Побывав затем некоторое время наместником в Костроме и во Владимире⁶⁸, Яков Захарьевич принял деятельное и выдающееся участие в войне с Литвой. В 1500 году, когда в Москву прибыло посольство от князей, бывших на службе у великого литовского князя, с просьбой принять их с вотчинами на службу московскому государю, Иван III не упустил благоприятного случая. Он отправил против Литвы сильную рать, во главе которой был поставлен Яков Захарьевич. Русские войска под начальством храброго и искусного воеводы действовали очень удачно и взяли Брянск и Путивль⁶⁹.

Деятельность энергичного наместника и полководца не прошла незамеченной. Он занял ко дню смерти Ивана III одно из первых мест среди московских бояр. Третьим Яков Захарьевич стоит в списке знатнейших сановников 1505 года, третьим из немногих виднейших бояр он подписался на духовной своего государя⁷⁰. Когда на престол вступил Василий III, Яков Захарьевич продолжил служить с не меньшей ревностью. Уже на склоне лет он снова повел московские рати против литовцев. Воеводы великого князя дошли почти до Вильны, но после прибытия сильных неприятельских войск принуждены были отступить к Орше, Смоленску и даже Брянску, где получили значительные подкрепления. Тогда литовский великий князь заключил перемирие с Москвой⁷¹. Участие в литовской войне 1501–1509 годов было последней службой Якова Захарьевича. В 1510–1511 годах престарелого боярина не стало⁷².

Такова служебная деятельность выдающегося представителя рода Кошкиных. Лаконичные известия летописей не дают нам, к сожалению, возможности дать его характеристику с желательной точностью и определенностью. Все же можно сказать, что Яков Захарьевич выделялся своей энергией, административными дарованиями и воинскими талантами. Распорядительный, находчивый и умелый, он был равно на месте как на поле брани, так и при управлении областями.

Брат его Юрий Захарьевич, младший годами, позже вступил на служебное поприще и раньше покинул его, скончавшись в 1503–1504 годах и пробыв боярином всего каких-нибудь 11 лет⁷³. Он был гораздо менее известен, чем старший брат, с которым вместе был в 1490-х, а может быть и в 1480-х годах, наместником в Новгороде⁷⁴. Во время войны с Литвой в 1501 году Юрий Захарьевич предводительствовал московской ратью и действовал очень успешно. Ему удалось взять город Дорогобуж. Тогда против москвичей было отправлено сильное литовское войско под главным начальством гетмана князя Константина Острожского. В свою очередь, великий князь Иван III послал к Юрию на помощь воеводу и боярина своего князя Данилу Васильевича Щенятя с тверской силой. Князь Щенятя и в служебном отношении, и по знатности происхождения превосходил Юрия Захарьевича, вследствие чего тот должен был удовольствоваться положением второстепенного воеводы и назначен был начальствовать сторожевым полком. Это назначение разобидело гордого победителя, и он отказался было от предводительствования войсками, донеся великому князю, что ему «в сторожевом полку быти немочно: то мне стеречи князя Данила». Строгий Иван III ценил людей. Он понимал, что самолюбие даровитого человека, показавшего недавно свой воинский талант, нужно поберечь. В то же время великий князь умел постоять за интересы государства и оберечь достоинство своей власти. Он

отправил князя К. Ушатого гонцом к Юрию Захарьевичу, который должен был выслушать и упрек себе, и урок государственной мудрости, и в то же время некоторое утешение. «Гораздо ли так чинишь? – говорил именем Ивана III присланный к строптивому боярину князь Ушатый. – Говоришь, тебе не пригоже стеречи князя Данила: меня и моего дела? Каковы воеводы в большом полку, тако чинят и в сторожевом: ино то не сором тебе»⁷⁵.

Юрий Захарьевич смирился и вместе с князем Щенятем предводительствовал ратью в знаменитой битве на Миткове поле на речке Ведроше четырнадцатого июня 1500 года. Литовцы были разбиты наголову, и сам гетман попал в плен. В столкновении с князем Щенятем Юрий Захарьевич выказал большое честолюбие; впрочем, быть может, он стоял здесь и за родовую честь. Деятельностью своей он доказал свою храбрость, воинское искусство, беспрекословное повиновение воле Ивана III – исконную верность своего рода князьям московским.

Этой преданностью своим государям отличался и старший из многочисленных сыновей Юрия Захарьевича – боярин Михаил Юрьевич Захарьин, родной дядя царицы Анастасии Романовны, дочери его брата, третьего сына известного победителя литовцев. Отец первой супруги Грозного, окольник Роман Юрьевич Захарьин, нам малоизвестен. Знаем только, что он был одно время воеводой в Нижнем Новгороде. Роман Юрьевич был женат, имел нескольких детей, умер 12 февраля 1543 года и погребен в московском Новоспасском монастыре⁷⁶. О его знаменитом потомстве – речь впереди. А служебная карьера Михаила Юрьевича может быть прослежена нами довольно хорошо. Еще до получения им звания окольника Михаил Юрьевич выполнял дипломатическое поручение в Литве. Затем служил воеводой под Смоленском и в Туле. В 1513–1514 годах ему «сказан» сан окольника. В 1520–1521 годах Михаил Юрьевич, побывавший перед этим с важным дипломатическим поручением в Казани, становится боярином. Его служба продолжается. Мы встречаем Михаила Юрьевича в походах против Крыма и Казани в 1522 и 1524 годах⁷⁷. Все свои службы боярин Захарьин выполнял усердно и пользовался полной благосклонностью своего государя. Известно, что Василий «не любил встречи против себя». Не любил он и гордого князя, а предпочитал решать все государственные дела, «запершись сам третей у постели». Этот-то государь, очевидно, желавший по возможности порвать с традициями удельных времен, очень жаловал Михаила Юрьевича и доверял ему. На второй свадьбе великого князя названный боярин был вторым дружкой. В 1527 и 1528 годах Михаил Юрьевич ручался за некоторых опальных бояр или принимал поручников за них⁷⁸.

Новоспасский монастырь в Москве

Расположение великого князя Василия III к верному своему боярину вскрывается яснее всего из любопытного летописного описания предсмертной болезни и кончины этого государя. Как свидетельствует интересующий нас рассказ⁷⁹, великий князь Василий Иванович захворал в своем селе Озерецком близ Волоколамска осенью 1433 года, когда у него на ноге сделалась какая-то злокачественная болячка (не карбункул ли?). Долго перемогался больной, скрывая свою болезнь от жены и братьев, но наконец поддался. Потихоньку от всех он послал за духовными грамотами своих деда и отца и «пусти в думу к себе к духовным грамотам... Ивана Юрьевича Шигону⁸⁰ и диака своего Меншово Путятина и нача мыслити князь велики, кого пустити в ту думу и приказати свой государев приказ». Из близких бояр при нем не было Михаила Юрьевича, который и был вызван к умирающему государю. На общем совете решено было ехать в Москву, куда и перевезли 23 ноября больного великого князя. Тогда же Василий III стал «думати з бояры, а тогда бысть у него бояр князь Василий Васильевич Шуйской, Михайло Юрьевич, и дворецкой его Тверский Иван Юрьевич Шигона и диаки его Меньшой Путятин да Федор Мишюрин». С этими ближайшими к нему лицами великий князь советовался «о своем сыну о князе Иване и о своем великом княжении и о своей духовной грамоте, понеже сын его еще млад, токмо трех лет на четвертый, и како устроитися царству после его». Затем по написании духовной Василий III обратился к религиозному утешению: дважды соборовался и причастился Святых Тайн, причем «вста сам, мало же его попринял Михайло Юрьевич». После причастия великий князь призвал к себе митрополита, своих братьев и всех бояр, а также других служилых людей и торжественно объявил своим наследником малолетнего сына Ивана IV. Он поспешил при этом напомнить своим братьям, которым, как видно из рассказа летописи, не очень доверял⁸¹, об их крестном целовании, а к остальным присутствовавшим обратился со следующими словами: «А вы бы бояре и боярские дети и княжата, стояли вопче, с моим сыном и с моею братиею против недругов, а служили бы есте моему сыну, как есте мне служили прямо». Затем великий князь прибавил боярам: «Ведаете и сами, что от великаго князя Володимера Киевскаго ведется наше государство Владимерское, Новгородское и Московское; мы вам государи прироженые, а вы наши извечные бояре; и вы, брате, стойте крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда».

Между тем болезнь шла своим чередом, и, хотя князь «болезни... не чюяше, а раны у него не прибываше, но токмо дух от нея тяжек, идуще же из нея нежд смертный». Тогда великий князь Василий Иванович призвал к себе «князя Михаила Глинского да Михаила Юрьевича и дохтуров своих», чтобы те приложили к болячке такое средство, «чтобы от нея духу не было». «И нача ему говорити боярин его Михайло Юрьевич, тешачи государя: государь князь великий, чтобы водки нарядити и в рану пушати и выжимати; ино, государь, видячи тебя, государя, такова истомна, чтобы государь, спустити⁸² с день или с два, чтобы было, государь, хотя мало болезни твоей облегчение, ино бы тогда и водки спустити». Умиравший обратился к одному из врачей и спросил: «Мощно ли тебе, чтобы было облегчение болезни моей?». На отрицательный ответ опечаленного доктора Василий заметил окружающим: «Братие! Николай надо мною познал, что яз не ваш». Раздались рыдания стряпчих и детей боярских, заглушенные «его ддя»⁸³.

Смерть приближалась к московскому государю. Накануне своей кончины он призвал к себе, кроме князя Михаила Глинского и Михаила Юрьевича⁸⁴, еще несколько приближенных лиц, «и быша у него тогда бояре от третиаго часа и до седмаго и приказал им о своем сыну великом князе Иване Василиевиче и о устроении земском, как бы править после его государство. И поидоша от него бояре, а у него остана Михайло Юрьевич да князь Михайло Глинской да Шигона, и быша у него те бояре и до самыя нощи. И приказал им о своей великой княгине Елене, как ей без него быти и как к ней боярам ходити, и о всем им приказал, как без него царству строитися». Вообще, Михаил Юрьевич не отходил от умирающего великого князя. Он был свидетелем трогательного прощания Василия III с детьми и женой, причем великий князь, благословив своего младшего сына золотым крестом, «приказа отнести тот крест по представлении своем боярину Михайлу Юрьевичю».

Тяжелые моменты прощания умирающего с близкими сердцу кончились. Тогда великий князь решил, что настало время исполнить свое задушевное желание и принять пострижение. Митрополит Даниил и верный боярин «Михайло Юрьев похвалили ему дело то, что добра желает». Но другие приближенные стали возражать, «и бысть промежь ими пря велика». Наконец, по просьбе самого князя Василия, митрополит начал совершать обряд пострижения. Великий князь потерял тем временем голос, терял силы, не мог поднять правой руки «и подныше ея боярин его Михайло Юрьевич». По окончании пострига умирающего причастили Святых Тайн. Лицо его просветлело, и он спокойно опочил от мирской суеты. «И виде Шигона, – прибавляет благочестивый бытописатель, – дух его отшедше, аки дымец мал».

Мы видели, какую деятельную и важную роль играл Михаил Юрьевич во время предсмертной болезни своего государя, каким верным и любящим слугой он был великому князю. Умер Василий III, и боярин Михаил Юрьевич распорядился его похоронами. Он «повеле во Архангеле ископати гроб подле отца его великаго князя Ивана Васильевича»; он же призвал «шатерничего... И повеле ему гроб привести камень». В малолетство Ивана IV Михаил Юрьевич продолжал служить верой-правдой московскому великому князю. Между прочим, незадолго до своей смерти он принимал деятельное участие в переговорах с литовскими послами. Так, на втором совещании Михаил Юрьевич, видя, что приехавшие паны хотят от молчаться от переговоров, вынудил их прервать молчание, заметив: «Паны, хотя бы тепер дни были и большие, то молчанием ничего не сделать, а тепер дни короткие (дело происходило в декабре 1536 и январе 1537 года), и говорить будете, так все мало времени»⁸⁵. Участие в совещаниях с послами было, по-видимому, одной из последних служб Михаила Юрьевича. В «7046 (1537–1538) году. умерли бояре. Михайло Юрьевич Захарьин»⁸⁶. Не стало преданного, умного, искусного в посольских делах слуги московских государей.

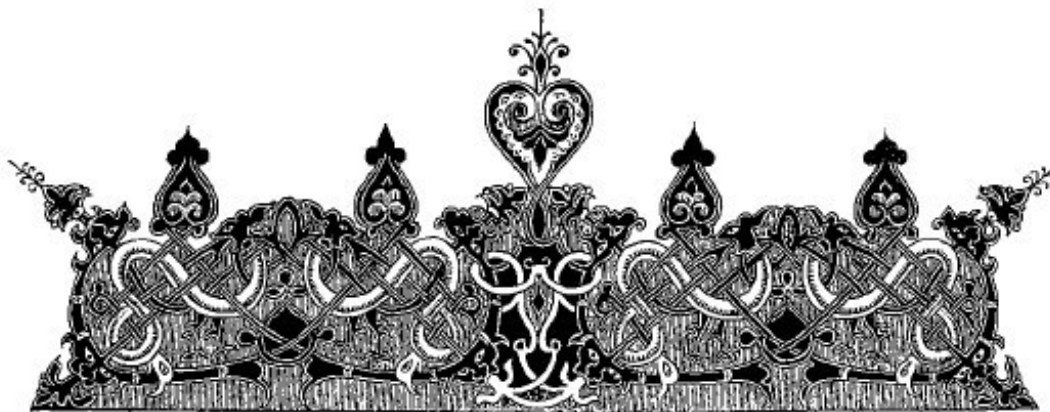
Со смертью Михаила Юрьевича и его братьев⁸⁷ сошло с исторической арены последнее поколение рода Кошкиных-Захарьиных как рядовых, хотя и знатных великокняжеских бояр.

Племянница его стала московской царицей, а племянники поднялись до положения влиятельной царской родни. Оглянемся поэтому на путь, пройденный предками царицы Анастасии. Он почетен и славен. С давних пор представители ее рода стоят у трона великих князей московских, собирателей Руси. Они служили своим государям и родине, когда Москва была незначительным сравнительно городом, они помогали вырастанию могущества ее, ее князей и всей земли Русской. То стоя у кормила правления, то заведую великокняжеской казной, то вода войска на внешних врагов, управляя областями, договариваясь с иноземными дипломатами, Кошкины-Захарьины содействовали собиранию Руси. Они приобрели при этом большой политический навык и смысл и передали его своим потомкам. Они неллицемерно служили своим государям и приобрели тем для младших поколений своего рода, «Никитичей», историческое право наследовать своим царственным родственникам и продолжать их великое дело устроения и возвеличения России⁸⁸.

Глава вторая

Царица Анастасия Романовна и царь Иван Васильевич Грозный

В 1540-х годах в Москве жило осиротевшее семейство окольного Романа Юрьевича Захарьина. Жило оно скромно и благочестиво. Мать, боярыня Иулиания Федоровна, принявшая впоследствии иночество, воспитывала в добрых старых заветах рода Захарьиных своих детей: Даниила, Далмата, Никиту, Анну и Анастасию⁸⁹. Будущая царица родилась, как полагают, около 1530 года. С детства она была приучена к рукоделиям, и несколько работ ее, исполненных по исконному русскому обычаю для украшения храмов Божиих и святых обителей, сохранилось до наших дней. Вырастая под сенью родительского дома, молодая девушка незаметно развилась, расцвела красой и при этом пленяла всех своим добрым и кротким нравом.

Существует предание, что святой Геннадий Костромской, посетив Москву, «прият был честно от боярыни Иулиании Федоровны, жены Романа Юрьевича, благословения ради чад ея Даниилы и Никиты и дщери ея Анастасии Романовны». Прозорливец предсказал будто бы скромной боярышне супружество с царем, что и сбылось в недалеком будущем⁹⁰.

Тиха и уютна была жизнь юной Анастасии Романовны. Неприветливо и бурно протекали детство и ранняя юность ее царственного суженого. Несмотря на весь внешний блеск, окружавший Ивана IV, сирота великий князь был одинок и заброшен. В младенчестве царственного малютку окружали ласка и заботливость отца, не нарадовавшегося на своего надежду-сына. Рождение «царского отрочати» вызвало ряд предсказаний и ожиданий. Так, юродивый Дементий на вопрос великой княгини Елены: «Что имам родити?», юродствуя, отвечал: «Тит широкий ум». Другое предсказание сделал почитаемый современниками инок Галактион, задолго до появления на свет Божий Ивана предрекший, что у великого князя Василя родится сын, который покорит царство Казанское⁹¹. Наконец, на только что родившегося малютку известная своей ревностью к державной власти партия духовенства возложила упования, как на того, «кто управит исконное во отечестве его любопренное и гордынное о благородстве мятежное шатание». По удивительному стечению обстоятельств все предсказания сбылись: и Казань была взята, и царь был одарен широким и острым умом, и «мятежное шатание о благородстве» было сломлено. Однако, к величайшему сожалению, ум царя не был вовремя направлен на одно благое, а неизбежную борьбу с высшим, титулованным боярством царь повел чересчур круто и нервно. Но, разбираясь в причинах жестоких и подчас безумных казней Ивана IV, мы

не можем не принимать во внимание те условия, при которых вырос этот, хотя и запятнанный злодеяниями, но все же глубоко несчастный человек⁹²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.